

В. А. Томсинов

**Победа СССР
в Великой Отечественной войне
и ее воздействие
на международный правопорядок.
*Статья вторая.***

Опубликована:

Вестник Московского университета.

Серия 11. Право. 2015. № 6. С. 3-19.

В.А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ*

ПОБЕДА СССР В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОПОРЯДОК (статья вторая)¹

Статья посвящена дискуссиям между правительствами СССР и Великобритании по вопросам послевоенных государственных границ и принципов устройства международного правопорядка. Особое внимание уделяется анализу переговоров между британским министром иностранных дел А. Иденом и председателем СНК СССР И.В. Сталиным, состоявшимся декабре 1941 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, международный правопорядок, государственные границы.

The article is devoted to discussions between the governments of the USSR and Great Britain on postwar state borders and the principles of the international legal order. Special attention is paid to the analysis of the negotiations between the British foreign Minister Anthony Eden and President of the Council of People's Commissars of the USSR I.V. Stalin, held in December of 1941.

Keywords: the Great Patriotic war, international legal order, state borders.

С 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве прошло совещание представителей СССР, Великобритании и США². Его инициаторами были Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль, предложившие в совместном послании на имя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Иосифа Сталина, отправленном в Москву после согласования текста Атлантической хартии, «подготовить совещание в Москве», на котором их высокопоставленные представители могли бы обсудить с главой советского правительства вопрос о «распределении общих ресурсов» и выяснить потребности и нужды вооруженных сил СССР, Великобритании и США³. В Коммюнике по итогам

---

* tomsinov@yandex.ru

¹ Статью первую см.: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2015. № 3. С. 3–21.

² СССР на этом совещании представлял В. М. Молотов, Великобританию — Уильям Максвелл Эйткен, 1-й барон Бивербрук, США — Уильям Аверелл Гарриман.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и с премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнэном (август 1941 г. — декабрь 1945 г.). М., 1958. С. 10.

этого совещания, выпущенном 2 октября 1941 г., было констатировано, что «конференция, в работах которой принял активное участие И. В. Сталин, успешно провела свою работу, вынесла важные решения в соответствии с поставленными перед нею целями и продемонстрировала полное единодушие и наличие тесного сотрудничества трех великих держав в их общих усилиях по достижению победы над заклятым врагом всех свободолюбивых народов»⁴. В этом документе ничего не было сказано о послевоенном мироустройстве послевоенного мира. Но в выступлениях участников совещания мысль о необходимости продолжать сотрудничество и после победы над фашизмом звучала.

Представитель президента США Уильям Гарриман в своей речи на заключительном заседании говорил: «Заканчивая свою работу, Конференция заявляет, что она верна решимости трех Правительств установить после окончательного уничтожения нацистской тирании мир, который даст всем странам возможность жить в безопасности на своей территории, не зная ни страха, ни нужды»⁵.

Вопрос об урегулировании отношений между СССР, Великобританией и США не только на период войны, но и на послевоенное время поднимал 30 сентября в беседе с британским представителем на конференции бароном Бивербруком и представителем США Уильямом Гарриманом председатель советского правительства. «Я думаю, — говорил И. В. Сталин, — что наше соглашение с Англией о сотрудничестве против Германии и о незаключении сепаратного мира следовало бы превратить в союзный договор, который охватывал бы не только военный, но и послевоенный период. Наше правительство целиком за это»⁶. Барон Бивербрук в ответ сказал, что поддерживает такое предложение, но Америке трудно будет заключить такое соглашение.

9 октября 1941 г. заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский приказал телеграммой временному поверенному в делах СССР в США А. А. Громыко сообщить министру финансов Генри Моргентгау о готовности советского правительства отправить в ближайшее время в Соединенные Штаты 30 тонн золота для опла-

---

⁴ Коммюнике об окончании работ конференции представителей СССР, Великобритании и США. 2 октября 1941 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 22 июня 1941 г.—31 декабря 1943 г. Т. 1. М., 1944. С. 156.

⁵ Речь г-на Гарримана на заключительном заседании Конференции представителей СССР, Великобритании и США. 1 октября 1941 г. // Там же. С. 155.

⁶ Из записи беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с главами делегаций США и Великобритании на Московской конференции представителей трех держав // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1: 1941—1943. М., 1984. С. 119.

ты поставляемого в Советский Союз вооружения и других нужных товаров⁷.

30 октября 1941 г. президент Ф. Рузвельт написал Сталину, что познакомился с протоколами Московской конференции и приказал незамедлительно приступить к поставке материалов, необходимых Советскому Союзу для обороны от фашистской агрессии. «Для того чтобы устранить возможные финансовые затруднения, — сообщил он, — немедленно будут приняты меры, которые позволят осуществить поставки на сумму до 1 миллиарда долларов на основе закона о передаче займа или в аренду вооружения. Если на это согласится правительство СССР, я предлагаю, чтобы по задолженности, образовавшейся в результате этого, не взималось никаких процентов и чтобы Советское Правительство начало покрывать ее платежами через пять лет после окончания войны с тем, чтобы они были закончены на протяжении десятилетнего периода после этого. Я надеюсь, что Ваше правительство примет специальные меры для того, чтобы продавать нам имеющиеся в его распоряжении сырьевые материалы и товары, в которых Соединенные Штаты могут испытывать срочную необходимость, на основе соглашения, по которому все поступления от этих продаж будут поступать на погашение счета Советского Правительства»⁸.

Решения, принятые на Московской конференции представителей СССР, США и Великобритании, а также указанное послание Франклина Рузвельта Сталину означали, что в американском истеблишменте окончательно определились, какой политики придерживаться относительно Советского государства.

Президент США уже 24 июня, через день после нападения Германии на СССР, объявил на своей пресс-конференции, что «Соединенные Штаты предоставят всю возможную помощь Советской России»⁹. Однако эта позиция не имела большой поддержки в американских правящих кругах. Государственный департамент не возражал против нее открыто, но призывал не спешить с расходованием средств на помощь коммунистическому государству. По мнению руководства внешнеполитического ведомства США, существовала огромная вероятность того, что эти траты могут оказаться напрасными, поскольку Советский Союз может не выдержать удара нацистской военной машины и быстро развалиться¹⁰. Заместитель государ-

---

⁷ Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР временному поверенному в делах СССР в США // Там же. С. 132.

⁸ Обмен письмами между президентом США г-ном Рузвельтом и председателем Совета Народных Комиссаров СССР тов. Сталиным. 30 октября и 4 ноября 1941 г. // Там же. С. 156.

⁹ The New York Times. 1941. June 25.

¹⁰ См.: *Perlmutter A. FDR and Stalin: A Not So Grand Alliance, 1943–1945. Missouri, 1993. P. 72–76.*

ственного секретаря Самнер Уэллс на пресс-конференции 23 июня 1941 г. говорил, что «сдержанность государственного департамента при обсуждении русско-германской ситуации вызвана в значительной мере фрагментарным характером сообщений со сцены военных действий. Департамент ожидает более определенной информации, прежде чем советовать президенту относительно применения положений закона о нейтралитете против России»¹¹.

Это мнение руководства государственного департамента разделял и военный министр США Генри Стимсон. В письме к президенту Рузвельту, отправленном 24 июня 1941 г., он писал: «За последние тридцать часов я почти все время размышлял о германо-русской войне и о ее влиянии на нашу политику в ближайшее время. Чтобы прояснить свои собственные взгляды, я провел сегодняшний день в совещании с начальником штаба и с сотрудниками отдела военного планирования генерального штаба. Я рад сообщить, что нашел значительное единодушие относительно основ политики, которую, по их мнению, нам следует проводить. Я испытал еще большее облегчение, увидев, что их взгляды столь полно совпадают с моими». Сообщая далее главе государства оценку военными руководителями ситуации, возникшей в связи с нападением Германии на СССР, Генри Стимсон отмечал: «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России... Они единодушно придерживаются мнения, что эту непредвиденную и драгоценную передышку следует использовать для самых энергичных мер на атлантическом театре военных действий... В результате того, что Германия втянулась в эту войну с Россией, наше беспокойство значительно ослабло, но мы должны действовать быстро и преодолеть опасность, сопряженную с первыми шагами, прежде чем Германия высвободит ноги из русской трясины...»¹².

В целом первоначальная реакция американских политиков на агрессию Германии против СССР была противоречивой. Одни из них, считая немецкие армии самой большой опасностью для США, призывали оказывать помощь любым силам, противостоявшим фашистской Германии. Другие полагали благом для США не вмешиваться в войну на европейском континенте. Так, сенатор от штата Миссури Беннетт Кларк заявлял: «У Сталина руки в крови так же, как у Гитлера. Я думаю, нам не следует помогать кому-либо из них. Мы должны заботиться о наших собственных делах, если нам надо делать все совместно. Все происходящее показывает абсолютную неустой-

---

¹¹ The New York Times. 1941. June 24.

¹² *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. Т. 1. М., 1958. С. 495–496.

чивость европейских союзов и указывает нам на необходимость оставаться в стороне от всех них»¹³. Подобного мнения придерживался и сенатор от штата Южная Дакота Уильям Бюлов, который говорил: «Мое мнение таково, если мы просто оставим Европу одну и будем стоять в стороне, мы не попадем в какую-либо неприятность. Я вообще не за то, чтобы помогать России. У Гитлера будет скоро столько территории, что появится масса забот ими управлять»¹⁴.

Данную точку зрения не разделял посол США в СССР Лоуренс Штейнгардт. В беседе с прилетевшим в Москву в конце июля 1941 г. специальным советником и помощником президента Ф.Д. Рузвельта Гарри Гопкинсом он постарался развенчать доминировавшее в Вашингтоне мнение об исходе войны между Германией и Советским Союзом, указывая на особенности сформированного жестокой историей русского характера: «Человек, хоть сколько-нибудь знакомый с историей России, вряд ли поспешит с выводом о том, что немцы одержат легкую победу. Русские солдаты могут казаться неспособными, когда они наступают, — так было в наполеоновских войнах, а после этого в Финляндии. Однако, когда они должны защищать свою родину, они замечательные бойцы — и их, несомненно, очень много»¹⁵.

Имелись в США и такие государственные деятели, которые считали самым выгодным для Соединенных Штатов, чтобы война между СССР и Германией длилась насколько возможно дольше. К ним принадлежал, например, сенатор от штата Миссури Гарри Трумэн, который 20 января 1945 г. будет избран на пост вице-президента при президенте Франклине Рузвельте, а после смерти последнего 12 апреля того же года станет новым президентом США. Нападение Германии на Советский Союз он прокомментировал 23 июня 1941 г. следующими словами, опубликованными на другой день в газете «Нью-Йорк Таймс»: «Если мы увидим, что Германия побеждает, то нам следует помогать России, а если побеждать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше, хотя я не хотел бы ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера победителем. Никто из них и не думает сдержать свое слово»¹⁶.

---

¹³ «Stalin is as bloody-handed as Hitler. I don't think we should help either one. We should tend to our own business, as we should have been doing all along. The whole business shows absolute instability of European alliances and points to the necessity of our staying out of all of them» (*Catledge T. Our Policy Stated // The New York Times. 1941. June 24*).

¹⁴ «My notion is that if we just let Europe alone and stay out we are not going to get into any trouble. I would not be in favor of helping Russia at all. Hitler will have so much territory, he will have plenty of trouble handling it» (*ibid.*).

¹⁵ Цит. по: *Шепвуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. С. 525.

¹⁶ «If we see that Germany is winning we ought to help Russia and if Russia is winning we ought to help Germany and that way let them kill as many as possible, although I don't want to see Hitler victorious under any circumstances. Neither of them think of anything of their pledged word» (*ibid.*).

Бывший президент США Герберт Гувер говорил в своем выступлении по радио 29 июня 1941 г.: «Теперь оказывается, что мы обещаем помогать Сталину и его военному заговору против всех демократических идеалов мира... Мы знаем также и Гитлера как отвратительный пример жестокости, агрессии и как разрушителя демократий. Действительно, Польша, Норвегия, Голландия, Бельгия, Дания, Франция и другие — ужасные памятники этого. Но я говорю о Сталине в этот момент... Если мы пойдем дальше и вступим в войну и победим, тогда мы выиграем для Сталина власть коммунизма над Россией, порабощение наций и больше возможностей для его распространения в мире»¹⁷.

Подобные высказывания в первые месяцы после начала военной агрессии фашистской Германии против СССР часто звучали по американскому радио и заполняли американские газеты и журналы. Они оказывали сильное давление на президента Франклина Рузвельта. Итоги работы, проходившей в Москве с 29 сентября по 1 октября 1941 г. конференции представителей СССР, США и Великобритании показали, что Франклин Рузвельт не поддавался давлению противников предоставления Соединенными Штатами материальной помощи Советскому Союзу.

Хотя вопрос о послевоенном устройстве мира поднимался в выступлениях участников Московской конференции и в беседах представителей США и Великобритании с председателем Совета Народных Комиссаров СССР, никаких решений по нему принято не было.

Это заставило И. В. Сталина поставить данный вопрос непосредственно перед премьер-министром Великобритании. 8 ноября 1941 г. председатель советского правительства направил Уинстону Черчиллю письмо, в котором сообщил, что во взаимоотношения между СССР и Великобританией нужно внести ясность, которая пока отсутствует. «Эта неясность, — отметил Сталин, — есть следствие двух обстоятельств: первое — не существует определенной договоренности между нашими странами о целях войны и планах организации дела мира после войны; второе — не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. Пока не будет договоренности по этим двум главным вопросам, не только не будет ясности в англо-советских взаимоотношениях, но

---

¹⁷ «Now we find ourselves promising aid to Stalin and his militant Communist conspiracy against the whole democratic ideals of the world. . . . We know also Hitler's hideous record of brutality, of aggression and as a destroyer of democracies. Truly, Poland, Norway, Holland, Belgium, Denmark, France and the others are dreadful monuments. But I am talking of Stalin at this moment... If we go further and join the war and we win, then we have won for Stalin the grip of Communism on Russia, and more opportunity for it to extend in the world. *If we go further and join the war and we win, then we have won for Stalin the grip of communism on Russia, the enslavement of nations, and more opportunity for it to extend in the worlds*» (The Presidency: Against Both Sides // Time. 1941. July 07).

если говорить совершенно откровенно, не обеспечено и взаимное доверие. Конечно, имеющаяся договоренность по вопросу о военном снабжении Советского Союза имеет большое положительное значение, но это не решает дела и далеко не исчерпывает вопроса о взаимоотношениях между нашими странами»¹⁸.

Премьер-министр Великобритании ответил на это письмо весьма уклончиво, указав, что намерение его страны и США состоит в том, чтобы вести войну в союзе с Россией и в постоянной консультации с председателем советского правительства при максимальном напряжении сил и сколько бы она ни продлилась. Чтобы советское и британское правительства могли рассмотреть проблемы войны в целом с большей свободой, нежели это удавалось до сего времени, Черчилль предложил командировать в Москву своего министра иностранных Антони Идена в сопровождении высокопоставленных военных и других экспертов. «Он сможет обсудить любой вопрос, касающийся войны», — заметил при этом британский премьер-министр, отказываясь тем самым в косвенной форме от обсуждения послевоенных проблем. Но никак не отреагировать на предложение Сталина обсудить планы «организации дела мира после войны» Черчилль не мог, поэтому им был дан на него ответ, но исключительно дипломатический. Когда война будет выиграна, заявил он Сталину, «мы ожидаем, что Советская Россия, Великобритания и США встретятся за столом конференции победы как три главных участника и как те, чьими действиями будет уничтожен нацизм. Естественно, первая задача будет состоять в том, чтобы помешать Германии и в особенности Пруссии напасть на нас в третий раз»¹⁹.

Эти слова означали нежелание Уинстона Черчилля обсуждать со Сталиным послевоенное устройство международного правопорядка. У Франклина Рузвельта были еще более серьезные причины не входить в обсуждение этого вопроса с главой советского правительства. Ведь США официально не находились в то время в состоянии войны с Германией.

Выразив мнение о преждевременности каких-либо переговоров со Сталиным о контурах будущего мироустройства до окончания войны, У. Черчилль постарался, чтобы отказ Великобритании и США от таких переговоров не связывался с коммунистическим характером Советского государства. Поэтому в заключении своего письма он

---

¹⁸ Личное послание премьера Сталина премьеру Черчиллю. Отправлено 8 ноября 1941 года // Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и с премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июля 1941 г. — ноябрь 1946 г.). М., 1958. С. 31.

¹⁹ У. Черчилль И. В. Сталину. Получено 22 ноября 1941 года // Там же. С. 33.

сделал следующую оговорку: «Тот факт, что Россия является коммунистическим государством и что Британия и США не являются такими государствами и не намерены ими быть, не является каким-либо препятствием для составления нами хорошего плана обеспечения нашей взаимной безопасности и наших законных интересов»²⁰.

Сталин ответил Черчиллю без промедления. «Совершенно правильно, — отметил он, — что обсуждение и принятие плана послевоенной организации мира должно исходить из того, чтобы помешать Германии и прежде всего Пруссии снова нарушить мир и ввергнуть снова народы в кровавую бойню. Я согласен с Вами также в том, что различие в характере государственного строя СССР, с одной стороны, и Великобритании и США, с другой стороны, не должно и не может помешать нам в благоприятном решении коренных вопросов об обеспечении нашей взаимной безопасности и законных интересов»²¹.

Призывая Уинстона Черчилля и Франклина Рузвельта решить вопрос о послевоенном мироустройстве безотлагательно, т.е. до завершения мировой войны, И. В. Сталин действовал в высшей степени расчетливо. Он понимал, что на серьезные уступки СССР руководители США и Великобритании могли пойти только во время войны, когда их зависимость от успехов боевых действий Красной армии против немецко-фашистских войск была предельной. Такие уступки необходимы были Советскому государству прежде всего по вопросу о его границах. В течение 1939—1940 гг. пространство СССР приросло новыми территориями на западе страны вследствие включения в его состав Прибалтики, Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины. Границы Советского Союза изменились, и эту перемену необходимо было юридически закрепить признанием со стороны ведущих мировых держав.

С точки зрения геополитических интересов Советского государства расширение его границ на запад было вполне оправданно: оно давало больше возможностей для отражения ожидавшегося военного нападения со стороны фашистской Германии.

Это хорошо понимали те западные политики, которые считали необходимым условием восстановления нормального международного порядка поражение Германии в мировой войне. Выступая 1 октября 1939 г. по лондонскому радио, Уинстон Черчилль, занимавший в то время пост первого лорда британского адмиралтейства, приветствовал ввод советских войск в восточную часть Польши, на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Какие же аргументы он привел, доказывая выгоду для своей страны благоприятного для

---

²⁰ Там же.

²¹ Послание премьера Сталина премьеру Черчиллю. Отправлено 23 ноября 1941 года // Там же. С. 34.

Советского государства изменения его границ? «Россия проводит холодную политику собственных интересов, — заявил Черчилль. — Мы бы хотели, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как завоеватели. Но для защиты России от нацистской угрозы было явно необходимо, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует, а значит создан восточный фронт, который нацистская Германия не осмелится атаковать. Когда господин Риббентроп был приглашен в Москву на последней неделе, то он должен был узнать и принять тот факт, что замыслы нацистов относительно балтийских государств и Украины зашли в мертвый тупик. Я не могу предсказать вам действий России. Она загадка, завернутая в тайну, загадка изнутри; но возможно, ключ к ней имеется. Этим ключом являются русские национальные интересы. Не может соответствовать интересам или безопасности России утверждение Германии на берегах Черного моря или захват ею балканских государств и покорение славянских народов Юго-Восточной Европы. Это вошло бы в противоречие с исторически сложившимися жизненными интересами России. Однако в этом регионе мира — в Юго-Восточной Европе — данные интересы России совпадают с интересами Британии и Франции»²².

Подобную точку зрения Черчилль выразил и в состоявшейся 6 октября 1939 г. беседе с послом СССР в Великобритании И. М. Майским. В ответ на его вопрос: «Что Вы думаете о мирных предложениях Гитлера» глава британского морского ведомства сказал: «Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм». Далее он сообщил о позиции, которую заняло в новой международной обстановке правительство Великобритании: «1) основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что балтийские страны включаются в нашу, а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании»²³.

---

²² Churchill W.S. Russia: "A Riddle, Wrapped in a Mystery, Inside an Enigma". 1 October 1939. Broadcast, London // "Never Give in". The Best of Winston Churchill's Speeches / Sel. and ed. by his grandson. L., 2003. P. 199–200.

²³ Цит. по: Рожневский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 12. См. об этой встрече У. Черчилля с И. М. Майским: Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1971. С. 424–425.

Таким образом, руководители западных держав готовы были признать новые границы Советского государства, но лишь потому, что увеличившееся пространство помогало ему выдержать военный удар фашистской Германии и ее союзников. И именно поэтому расширение территории СССР было выгодно Великобритании и Франции. Отсюда вытекало, что с разгромом Германии эта выгода пропадала. Вот почему Сталин спешил воспользоваться обстановкой мировой войны, чтобы решить вопрос юридического оформления с точки зрения международного права новых границ Советского Союза. Дальнейший ход событий на мировой арене и сам по себе со всей неизбежностью подводил руководителей ведущих держав к начертанию плана будущего мироустройства.

* * *

7 декабря 1941 г. японское авианосное соединение напало на главную базу американского Тихоокеанского флота Пёрл-Харбор. На следующий день США и Великобритания объявили Японии войну. 11 декабря войну Соединенным Штатам объявили Германия и Италия. Вторая мировая война стала глобальной по-настоящему.

6 декабря 1941 г. началось контрнаступление Красной армии под Москвой, которое сразу же принесло успех и спустя короткое время привело к разгрому наступавших на Москву германских войск. Эта победа окончательно убедила руководителей западных держав, что СССР выстоял, а фашистская Германия оказалась перед необходимостью вести затяжную позиционную войну, что фактически предопределяло ее поражение. Черчилль стал даже думать о том, как побудить руководство Советского государства вступить в войну против Японии. В отправленном 13 декабря секретном послании министру иностранных дел А. Идену, который в это время ехал в поезде из Мурманска в Москву, премьер-министр Великобритании писал: «Очень может быть, что недавние успехи на русском фронте могут способствовать желанию Сталина вступить в войну против Японии. Обстановка каждый день меняется в нашу пользу, и Вам предстоит на месте решить каким в рамках разумного должно быть давление, которое нам следует на него оказать»²⁴.

Разгром германских войск под Москвой, официальное вступление в войну против Германии Соединенных Штатов и целой группы союзных с ними стран означали, что обсуждение руководителями США и Великобритании с правительством Советского Союза про-

---

²⁴ *Рожневский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. С. 55.

блемы послевоенного устройства мира не могло уже считаться бессмысленным или преждевременным. Руководители западных держав стали понимать, что без активного участия СССР невозможно будет установить после окончания мировой войны более или менее прочный международный правопорядок. Поэтому А. Иден был готов провести в Москве переговоры не только о поставках Советскому Союзу необходимых для ведения войны вооружения и материалов, но и о послевоенном устройстве мира.

Министр иностранных дел Великобритании прибыл в Москву 15 декабря. Вечером следующего дня состоялась его первая беседа с председателем советского правительства. В самом начале разговора Сталин передал Идену проекты двух договоров: «О союзе и взаимной военной помощи между СССР и Великобританией в войне против Германии» и «Об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению безопасности в Европе после окончания войны с Германией». Первый из названных проектов состоял из 4-х, а второй из 3-х статей. Ими предполагалось, что оба союзных государства будут взаимно «оказывать друг другу военную помощь и поддержку всякого рода в войне против гитлеровской Германии и соучастников гитлеровской агрессии в Европе»²⁵. Обе стороны обязывались «не вступать в переговоры с гитлеровским правительством Германии или каким-либо другим германским правительством, которое представляло бы нацистско-империалистический режим, и не заключать перемирия или мирного договора с Германией, кроме как с обоюдного согласия»²⁶.

Проект второго договора налагал на его стороны взаимную обязанность «при решении послевоенных вопросов, связанных с организацией дела мира и безопасности в Европе, действовать по взаимному согласию»²⁷. Кроме того, стороны выражали в нем согласие «о том, что по окончании войны они примут все меры к тому, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира со стороны Германии»²⁸.

Представляя британскому министру иностранных дел проект договора, касавшийся послевоенного устройства мира, председатель

---

²⁵ Советский проект договора «О союзе и взаимной военной помощи между СССР и Великобританией в войне против Германии». 16 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Т. 24. 22 июня 1941—1 января 1942. М., 2000. С. 511.

²⁶ Там же.

²⁷ Советский проект договора «Об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению безопасности в Европе после окончания войны с Германией». 16 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Т. 24. С. 513.

²⁸ Там же.

советского правительства высказал мнение о желательности «приложить к нему секретный протокол, в котором была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны»²⁹. В нем содержались предложения о границах таких стран, как Польша, Чехословакия, Югославия, Албания, Турция, Греция. Предлагалось решение о статусе послевоенных Франции и Германии. Вместе с тем в рассматриваемом секретном протоколе утверждалось, что «Советский Союз считает необходимым восстановление своих границ, как они были в 1941 году, накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 года, Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. Что касается границы СССР с Польшей, то она, как уже выше было сказано, в общем и целом могла бы идти по линии Керзона и с включением Тильзита в состав Литовской республики. Кроме того, Советский Союз, сделавший в 1940 году подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо, считал бы необходимым ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок»³⁰.

К этим изложенным в протоколе предложениям Сталин устно добавил еще два пожелания, касавшиеся послевоенного мироустройства: 1) предусмотреть возмещение Германией вреда, нанесенного другим странам (Великобритании, СССР, Польше и т.д.) и 2) создать в будущей реконструированной Европе в интересах поддержания мира и порядка «военный союз демократических государств, во главе которого стоял бы какой-либо совет или другой центральный орган, имеющий в своем распоряжении международную военную силу»³¹.

Министр иностранных дел Великобритании представил в ответ на советские проекты договоров британский проект соглашения между СССР и Великобританией по вопросу устройства послевоенного международного правопорядка. В первом его пункте предполагалось объявить, что «оба Правительства совместно подтверждают принятие ими принципов декларации от 14 августа 1941 года, сделанной президентом Соединенных Штатов и премьер-министром Соединенного Королевства»³². В третьем пункте признавалось, что «оба Правительства приняли решение сотрудничать в деле восстановления и последующего сохранения мира по окончании настоящей войны», однако мирное урегулирование понималось при этом очень узко, а имен-

---

²⁹ Запись беседы Председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 16 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Т. 24. С. 502.

³⁰ Там же. С. 503.

³¹ Там же. С. 503–504.

³² Английский проект соглашения. 16 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Т. 24. С. 512.

но всего лишь как «установление и поддержание условий, которые обеспечат, чтобы Германия не смогла снова нарушить мир во всем мире»³³. В следующем пункте было сказано, что правительства СССР и Великобритании будут сотрудничать в деле переустройства Европы после войны с целью: «а) гарантирования и укрепления экономической и политической независимости всех европейских стран, существующих как отдельные государственные единицы или как федерации; б) переустройства промышленной и экономической жизни тех стран, территории которых будут оккупированы державами “оси”»³⁴.

Что же касается новых границ в Европе, установившихся в Европе в связи с расширением территории Советского Союза на запад, то в представленном правительством Великобритании проекте соглашения о сотрудничестве в установлении нового международно-правового порядка, было предложено «строить свою политику на принципе, изложенном в совместной декларации Президента Соединенных Штатов и Премьер-Министра Соединенного Королевства, гласящем, что они “не стремятся к территориальным и другим приобретениям”, а также на провозглашенном г. Сталиным в его заявлении 6 ноября 1941 года принципе невмешательства во внутренние дела других народов»³⁵. Это означало, что правительство Великобритании отказывалось решать со Сталиным вопрос о юридическом оформлении новых границ в Европе.

При этом в шестом пункте рассматриваемого проекта соглашения провозглашалось, что «ни то ни другое Правительство не вступит ни в какое секретное соглашение с какой-либо третьей державой, которое затрагивало бы или смогло бы затронуть переустройство Европы после войны»³⁶. В разговоре со Сталиным А. Иден сообщил, что «еще до того, как СССР был вовлечен в войну, Рузвельт прислал Черчиллю послание, в котором просил британское правительство не принимать на себя никаких секретных обязательств о послевоенной реконструкции Европы без предварительной консультации с ним». Между тем общую схему новых границ в Европе Сталин предлагал закрепить именно секретным протоколом. Отказ правительства Великобритании от составления секретных протоколов к межгосударственным договорам был еще одним свидетельством его нежелания юридически признавать новые границы, возникшие, в частности, вследствие присоединения к Советскому Союзу новых территорий.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР негативно отозвался о британском проекте соглашения, привезенном в Мо-

---

³³ Там же. С. 513.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

скую А. Иденом. Его текст, заметил Сталин, «очень напоминает декларацию. Наоборот, советское правительство предлагает два договора. Декларация — это алгебра, договоры — это простая арифметика. Мы хотим арифметики, а не алгебры»³⁷. Содержание данного проекта наводит на мысль, что он разрабатывался не для того, чтобы вступить в силу, а всего лишь с целью развеять у руководителей Советского государства всякие подозрения о том, что США и Великобритания будут после войны игнорировать интересы СССР при новом устройстве мирового порядка и полностью исключат его из британско-американской схемы этого устройства.

Понимая, что вопрос о границах является самой сложной проблемой в устройстве послевоенного миропорядка, руководитель Советского государства заявил, что «не настаивает на немедленном принятии тех его предложений, которые касаются изменения границ за пределами СССР, но он полагал бы, что вопрос о западной границе СССР мог бы быть разрешен немедленно»³⁸.

Министр иностранных дел Великобритании не был правомочен решать такой вопрос и из дальнейшей его беседы со Сталиным стало ясно почему: британское правительство не могло принимать решения по всем вопросам подобного рода без консультаций с руководством США и со своими доминионами.

Во время следующей беседы с А. Иденом, состоявшейся 17 декабря, Сталин вновь поднял вопрос о юридическом признании западных границ СССР. Вопрос о них, сказал председатель советского правительства, представляет исключительную важность, «советское правительство особенно заинтересовано в нем, в частности, еще и потому, что как раз вопрос о Прибалтийских странах и Финляндии явился камнем преткновения при переговорах о пакте взаимопомощи, происходивших в 1939 г. при правительстве Чемберлена». Иден же повторил на это, что Великобритания «не может признать никакого изменения границ в Европе, происшедшего на протяжении войны»³⁹.

Третья беседа И. В. Сталина с А. Иденом состоялась 18 декабря 1941 г. Глава советского правительства предложил министру иностранных дел Великобритании составленный накануне новый вариант проекта договора о послевоенной организации мира и безопасности, вобравший в себя и некоторые положения британского проекта. Сталин согласился объявить в первой же статье о признании

---

³⁷ Там же. С. 505.

³⁸ Там же.

³⁹ Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 17 декабря 1941 г. // Документы внешней политики. Т. 24. С. 519.

договаривающимися сторонами принципов «Атлантической хартии», принятой президентом США и премьер-министром Великобритании 14 августа 1941 г. Третья статья в новом варианте советского проекта устанавливала, что «обе договаривающиеся стороны обязуются совместно работать над реконструкцией Европы после войны, с полным учетом интересов безопасности каждой из них, равно как интересов СССР в деле восстановления его границ, нарушенных гитлеровской агрессией, и в согласии с двумя принципами — не стремиться к территориальным приобретениям для себя в Европе и не вмешиваться во внутренние дела народов»⁴⁰.

20 декабря во время четвертой беседы главы советского правительства с министром иностранных дел Великобритании стало окончательно ясно, что стороны не придут к какому-либо компромиссу по вопросу о юридическом признании новых западных границ СССР и, следовательно, договоры между союзниками в войне против фашистской Германией подписаны не будут. Сталин сказал Идену, что, пожалуй, был бы готов подписать оба договора, быть может, с небольшими редакционными изменениями, если бы у них не было дискуссий по вопросу о границах. Эти дискуссии вскрыли ситуацию, которой он никак не ожидал. Англия имела в прошлом «союз с царской Россией, в состав которой входили Финляндия, Бессарабия и более половины Польши. Ни один государственный деятель Англии в то время не думал протестовать против союза на том основании, что названные территории входят в состав Российской империи. Ныне, однако, вопрос о финской границе и балтийских республиках является, видимо, камнем преткновения»⁴¹. При этом, подчеркнул Сталин, он отказался от секретных протоколов, отказался от требования к Великобритании о создании Второго фронта. Ввиду этих, сделанных советской стороной уступок она считает себя вправе требовать компенсации в виде признания западной границы СССР по состоянию на 1941 год.

Посол Великобритании в СССР Ричард Стаффорд Криппс, присутствовавший вместе с В. М. Молотовым и И. М. Майским во время переговоров И. В. Сталина и А. Идена, постарался объяснить отказ британского правительства признать новые западные границы Советского государства в письме, лично им врученном 19 декабря народному комиссару иностранных дел СССР. «Советское Прави-

---

⁴⁰ Соглашение между СССР и Великобританией о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией. 17 декабря 1941 года // Там же. С. 530.

⁴¹ Запись беседы председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 20 декабря 1941 г. // Там же. С. 539.

тельство, — указал он, — кажется, считает, что отказ министра иностранных дел включить статью о признании границ СССР 1941 года проистекает из определенного отказа Британского правительства признать эти границы. Это неправильно. Действительное положение дел заключается в следующем:

В начале войны, когда Германия оккупировала Европу, Премьер-Министр сделал публичное заявление в том смысле, что Британское Правительство не признает никаких территориальных изменений, сделанных во время войны. Такие изменения могут быть только в сущности признаны согласно этой декларации по мирному договору. Это заявление не имело прямого отношения к действиям СССР, но поскольку территориальные перемены в Балтийских государствах и Финляндии, так же как в Бессарабии и Северной Буковине, произошли после оглашения этой декларации, они, в сущности, покрываются условиями декларации. В то время, когда происходили эти перемены, СССР поддерживал тесные отношения с Германией и не был в хороших отношениях с Великобританией и поэтому не было особой причины для того, чтобы сделать какое-либо исключение из декларации в пользу СССР»⁴².

29 декабря 1941 г. было опубликовано официальное коммюнике о проходивших с 16 по 20 декабря беседах председателя Совета народных комиссаров И. В. Сталина и народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. В нем было отмечено, что во время этих бесед «происходил исчерпывающий обмен мнений по вопросам, касающимся ведения войны и послевоенной организации мира и безопасности в Европе», что «беседы, происходившие в дружественной атмосфере, констатировали единство взглядов обеих сторон на вопросы, касающиеся ведения войны, в особенности на необходимость полного разгрома гитлеровской Германии и принятия после того мер, которые сделали бы повторение Германией агрессии в будущем совершенно невозможным. Обмен мнений по вопросам послевоенной организации мира и безопасности дал много важного и полезного материала, который в дальнейшем облегчит возможность разработки конкретных предложений в этой области»⁴³.

Несмотря на то, что планировавшееся подписание договоров между СССР и Великобританией о взаимной военной помощи и разрешении вопросов послевоенного устройства мира и безопасности в Европе не состоялось, советско-британские переговоры декабря

---

⁴² Письмо С. Криппса В. Молотову. 19 декабря 1941 г. // *Ржевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. С. 80–81.

⁴³ Документы внешней политики. Т. 24. С. 563.

1941 г. имели огромное значение для прояснения позиций этих двух государств относительно послевоенных границ и статуса европейских государств, втянутых в мировую войну. Самое же главное заключалось в том, что советскому руководству удалось убедить правительство Великобритании в необходимости разработки контуров международного правопорядка до окончательной победы над фашистской Германией.

Список литературы

1. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 22 июня 1941 г.—31 декабря 1943 г. Т. 1. М., 1944.
2. Документы внешней политики. Т. 24: 22 июня 1941 г.—1 января 1942 г. М., 2000.
3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и с премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. — ноябрь 1946 г.). М., 1958.
4. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и с премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. — декабрь 1945 г.). М., 1958.
5. *Ржевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи, беседы, дискуссии: Документы, комментарии. 1941—1945. М., 2004.
6. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. Т. 1. М., 1958.
7. *Catledge T.* Our Policy Stated // The New York Times. 1941. June 24.
8. Never Give in! The Best of Winston Churchill's Speeches / Sel. and ed. by his grandson. L., 2004.
9. *Perlmutter A.* FDR and Stalin: A Not So Grand Alliance, 1943—1945. Missouri, 1993.
10. The Presidency: Against Both Sides // Time. 1941. July 07.
11. United Nations Documents. 1941—1945. L., 1947.